

Возвращаясь к «Зимнему вечеру»: мифологический аспект стихотворения

Очень хорошо помню, какое сильное впечатление произвела на меня статья Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа»¹. Это объяснялось прежде всего тем, что ряд приведенных в ней материалов представлял в новом ракурсе стихотворение Пушкина «Зимний вечер», которым я много занимался в конце 1970-х годов и которому посвятил статью, опубликованную в 1981 году².

Анализируя «Зимний вечер», я отметил, как настойчиво в обращении к *дремлющей* «старушке» подчеркивается, что она — свой человек («ты, моя старушка», «ты, мой друг»), и предположил, что это вызвано стремлением стряхнуть с себя наваждение зимнего вечера: в *приумолкнувшей* собеседнице поэту вдруг почудились чужие и страшные черты богини судьбы Парки, прядущей нить его жизни. Однако античные ассоциации, к которым располагало упоминание Парки в «Стихах, сочиненных ночью во время бессоницы», завершающих начатый «Зимним вечером» хореический «цикл» стихотворений, выражающих тревожное ощущение неопределенности своей жизни, ее бесцельности и бессмысленности, не являются здесь единственно возможными. В статье Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова приводится поверье: «если пряжи дремлют, а веретено вертится, то говорят, что за них прядла Мокуша»³. Это распространенное поверье о проделках злого духа (будь то — Мо-

¹ См.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983, с. 175–197.

² См.: А. Ф. Белоусов. Художественный смысл стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Таллин, 1981, с. 6–27.

³ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа, с. 182.

куша или же чрезвычайно близкая ей кикимора-шишимора) не только лучше соответствует обстановке «Зимнего вечера», но и делает более убедительным предположение о страшном наваждении: «когда привидится она <кикимора. — А. Б.> с прялкой на передней лавке, быть в той избе покойнику»⁴.

Ассоциации фольклорного и даже мифологического плана пронизывают собой весь «Зимний вечер». Он начинается впечатляющей картиной разгулявшейся стихии, изображение которой напояминает народные представления о «буре» как об одном из ветряных духов⁵. Впоследствии, уже в «Бесах», взвиваемые ею «вихри» предстанут в традиционном для фольклора образе *кружащихся* «бесов». Возвращаясь к «Зимнему вечеру», следует отметить, что к концу стихотворения фольклор выходит наружу и появляется в самом тексте. Это происходит, когда называются известные народные песни, которые поэт хочет услышать от *своей* «старушки». Особенно важна их тематика: одна из песен посвящена любви («как девица за водой поутру шла»), другая — заключению брака («как синица тихо за морем жила»). Оказывается, что песни приурочены ко времени, изображенному в «Зимнем вечере»: это — период зимнего мяседа, который начинается после Святков и продолжается до Масленицы, когда снова можно пряхть, а главное — когда справляют свадьбы, почему он и назывался «свадебником». Оставляя в стороне личные причины выбора веселых, плясовых песен о любви и браке⁶, подчеркнем его объективный смысл, заключающийся в стремлении жить общей жизнью с людьми из народа, соблюдая «родной обычай старины». В связи с этим в «Зимнем вечере» и возникает «мир русско-народной поэзии», который почувствовал в нем Белинский⁷.

Этот «мир русско-народной поэзии» опирается на мощный фундамент мифопоэтической архаики. Обратимся к первым двум строфам «Зимнего вечера». Вслед за описанием шумного буйства «бури» упоминается о «старушке», *приумолкнувшей* за прял-

⁴ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994, с. 56.

⁵ См., например: А. Звонков. Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. №2, с. 75–76.

⁶ См.: Леонид Гроссман. Пушкин. М., 1960, с. 246.

⁷ См.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955, т. 7, с. 352. Ср. пародию на «Зимний вечер» Николая Полевого, которому интерес Пушкина к фольклору казался модной забавой «литературного аристократа» (Феокритов. <Полевой Н. А.> Зимний вечер // Московский телеграф. 1830. Ч. 32. №8. Апрель, с. 136–142).

кой в *темной* «лачужке», — эта коллизия удивительным образом напоминает о непосредственном соседстве противопоставленных друг другу бога погоды/ветра/вихря и женского божества в текстах, посвященных славянскому язычеству⁸. Характеризуя женский персонаж «Зимнего вечера», я не назвал его свойств, которые выявляются в третьей строфе: а это — связь «старушки» с «водой», любовью и браком и, наконец, с «горем»/несчастьем («добрая подружка бедной юности моей»). Объединяя их с указанными выше, обнаруживаем, что «старушка» из «Зимнего вечера» соответствует славянской богине Мокоши⁹. Образ героини стихотворения сохраняет мифопоэтические ассоциации своего архетипа, благодаря которым «старушка» может оказаться не только злым духом Мокушей (см. выше), но — и «добррой подружкой», которую заклинают помочь, от которой требуется, чтобы она *утетишила* встревоженного и страдающего героя. Очевидно, что в основе «Зимнего вечера» лежит архетипическая, мифологическая схема. Архетипическая конструкция отчетливо просвечивает сквозь напластования как фольклорного, так и литературного материала (к последним, например, относится противопоставление «бури» и *застолья* в заключительной строфе стихотворения, которое превращает его в обыкновенную застольную песню).

Обновляя и индивидуализируя мифопоэтические мотивы, поэт насыщает текст личной проблематикой. Внезапно воцарившееся молчание окружающих — ситуация, тревожившая поэта. Вспомним начало «Вакхической песни»: «Что смолкнул веселия глас?..». В наступившей тишине внимание привлекают другие звуки: в «Зимней дороге» слышится «колокольчик однозвучный», в «Стихах, сочиненных ночью во время бессоницы» раздастся «ход часов <...> однозвучный». В отличие от «живого звука» *зори* («Зорю быют...») или «пророчества» *пестрой сороки* («Стрекотунья-белобока...») звуки «колокольчика» и «часов» — мертвые звуки: источником их являются различные механические инструменты. Они доносят до поэта «однозвучный жизни шум». Очень характерна обстановка, в которой эти звуки воспринимаются: *вечер* и *ночь* (когда замирает человеческая жизнь), что часто усугубляется еще и *зимой* (когда мертва природа). В то время как рядом с поэтом раздаются звуки человеческой речи, пока

⁸ См.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа, с. 182–184.

⁹ Там же, с. 194.

его ласкает милый лепет рифмы («Рифма, звучная подруга...»), они заглушают «скучный шепот» судьбы, но стоит им умолкнуть, как его звучание напоминает поэту о том, что его существование определяется неведомой ему судьбой. Впервые свою зависимость от судьбы, представшей перед ним в образе стихии, кружащей и крутящей все, что находится в поле ее действия, он остро почувствовал в мифопорождающей атмосфере «Зимнего вечера», когда умолкла «старушка» и ему послышался монотонный звук жужжащего «веретена»¹⁰.

¹⁰ Подробнее об этом см.: А. Ф. Белоусов. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература. Анализ художественного текста. Таллин, 1988, с. 14–34.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПОЛУТРОПОН

к 70-летию
Владимира
Николаевича
Топорова

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1998